

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЯТАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ФЕДОРОВА И ФЕДОРОВОЙ ПРОТИВ УКРАИНЫ

(Заявление № 39229/03)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

7 июля 2011

Это решение станет окончательным при условиях, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть отредактировано.

По делу Федорова и Федоровой против Украины,

Европейский Суд по правам человека (Пятая секция), заседая Палатой в составе:

Dean Spielmann, *председатель,*

Elisabet Fura,

Karel Jungwiert,

Boštjan M. Zupančič,

Mark Villiger,

Ganna Yudkivska,

Angelika Nußberger, *судьи,*

и Claudia Westerdiek, *секретарь секции,*

Рассмотрев дело в закрытом заседании 14 июня 2011 года,

Провозглашает следующее решение, принятое в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Данное дело основано на заявлении (№ 39229/03) против Украины, поданном в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») двумя гражданами Украины, г-ном Владимиром Георгиевичем Федоровым и г-жой Татьяной Сергеевной Федоровой (далее – «заявители») 30 октября 2003 года.

2. Заявителей, которым была предоставлена оплата правовой помощи, представлял г-н А. П. Бущенко, адвокат, практикующий в Харькове. Украинское правительство (далее – «Правительство») представлял его уполномоченный, г-н Ю. Зайцев.

3. Заявители утверждали, в частности, что они подверглись жестокому обращению со стороны милиции и что эффективное расследование их жалоб не было проведено. Первый заявитель также утверждал, что он незаконно подвергся психиатрическому освидетельствованию и ему был поставлен диагноз «психическое расстройство», а также что он был лишен справедливого судебного разбирательства в гражданском процессе, в котором он пытался оспорить действия психиатров.

4. 31 марта 2009 года Председатель Пятой секции постановил уведомить Правительство о данном заявлении. Он также постановил рассмотреть вопрос о приемлемости заявления одновременно с рассмотрением его по существу (статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители, муж и жена, родились в 1948 и 1960 годах соответственно и проживают в Тахтаулово.

A. Психиатрическое освидетельствование первого заявителя 15 июня 2001 года и последующее гражданское разбирательство

6. В июне 2000 года первый заявитель подрался со своими соседями семьей Л. В результате г-жа Л. получила телесные повреждения, за что первый заявитель был в конечном итоге осужден 20 января 2005 года и приговорен к условному лишению свободы. Заявители также участвовали вместе с семьей Л. в нескольких гражданских разбирательствах, касающихся землепользования и других вопросов.

7. 10 июня 2001 года г-жа Л. обратилась с письмом к В. Т., главному психиатру Полтавской районной клинической больницы (далее – «Полтавская больница»), утверждая, что первый заявитель страдает серьезным психическим расстройством и нуждается в психиатрическом лечении. Она отметила, что он преследовал ее семью в течение примерно девяти лет. В частности, он обзывал их, подслушивал, фотографировал их, записывал их разговоры с ним, угрожая выбросить их из их дома и посадить г-на Л. в тюрьму. В июне 2000 года первый заявитель также ударил г-жу Л. в ходе спора, нанеся ей серьезную травму, что стало предметом уголовного разбирательства. Она также отметила, что он конфликтовал с рядом других односельчан. В частности, он с подозрением относился к поведению всех людей, фотографировал различные якобы «незаконные» действия, угрожал, ругался и конфликтовал с жителями села, писал различные жалобы властям, проколол шины автомобиля председателя сельсовета, воровал зерно и сено и затевал драки. Кроме того, она утверждала, что он был склонен к внезапным приступам гнева, избивал свою жену и убил собаку. Наконец, он владел двумя ружьями и вообще был опасен.

8. 15 июня 2001 года М.Ф., психиатр больницы, приехал к заявителям на машине скорой помощи и стал расспрашивать первого заявителя о его отношениях с семьей Л., в частности, об их жалобах на то, что он фотографировал их без их согласия. По словам первого заявителя, эта беседа длилась около пяти минут, после чего он попытался сфотографировать психиатра, водителя и машину скорой

помощи. В ответ на это М.Ф. выбежал со двора, крича: «Это ненормально!».

9. 18 июня 2001 года В.Т. сообщил суду Полтавского района, что первый заявитель страдает хроническим бредовым расстройством и нуждается в судебно-психиатрическом освидетельствовании для принятия решения о стационарном лечении.

10. 30 июня 2001 года В.В., начальник областного управления здравоохранения, отклонил жалобу первого заявителя, в которой тот утверждал, что освидетельствование было незаконным, а диагноз – неправильным.

11. В августе 2001 года первый заявитель подал в суд на М.Ф., В.Т и В.В., жалуясь, что он подвергся незаконному освидетельствованию и диагностике в нарушение соответствующего законодательства и медицинских инструкций.

12. 6 февраля 2002 года Октябрьский районный суд г. Полтавы удовлетворил иск первого заявителя и обязал медиков удалить диагноз из его медицинской карты. Суд отметил, в частности, что жалобы Л. не могут считаться достаточным основанием для освидетельствования первого заявителя без его согласия. Было также установлено, что освидетельствование было проведено в нарушение соответствующих процессуальных норм. В частности, М.Ф. не уведомил должным образом заявителя о причине своего визита и сделал свои выводы после очень краткой неофициальной беседы.

13. М.Ф. обжаловал это решение.

14. В 10 часов утра 30 апреля 2002 года Полтавский областной апелляционный суд начал слушания по апелляции М.Ф. Суд отметил в протоколе слушания, что первый заявитель просил о рассмотрении дела в его отсутствие и что нет никаких оснований для отклонения этого ходатайства. Затем суд заслушал показания М.Ф., который представил свою версию событий, и отметил, в частности, что его разговор с первым заявителем длился, по меньшей мере, двадцать или двадцать пять минут. Кроме того, суд удовлетворил ходатайство М.Ф. присоединить к материалам дела некую справку. Затем слово было предоставлено представителю областного отдела здравоохранения, который утверждал, что М.Ф. действовал в соответствии с положениями статьи 11 Закона «О психиатрической помощи», в которой изложены обстоятельства, при которых пациент может быть освидетельствован без его согласия. В частности, имелись серьезные причины для беспокойства относительно состояния здоровья первого заявителя, поскольку в то время против него велось уголовное дело по обвинению в нападении на г-жу Л. Затем суд заслушал руководителя местной поликлиники, который утверждал, на тот момент не было возможности подвергнуть первого заявителя более детальному стационарному обследованию. Слушание закончилось в 11:30 утра.

15. В тот же день суд отменил решение от 6 февраля 2002 года и отклонил жалобу первого заявителя. В мотивировочной части суд отметил:

«Заключение суда первой инстанции о том, что ... М.Ф. нарушил требования статьи 11 Закона Украины «О психиатрической помощи» при освидетельствовании В.Г. Федорова, не подтверждается доказательствами, содержащимися в материалах дела.

Суд первой инстанции не уделил достаточного внимания объяснениям свидетельницы Т.С. Федоровой – жены истца, которая утверждала в судебном заседании, что М.Ф., выйдя из машины скорой помощи, представился и начал задавать вопросы. Свидетельница также показала, что М.Ф. находился у них в течение более десяти минут.

Суд не также не уделил достаточного внимания показаниям самого В.Г. Федорова ... о том, что М.Ф. говорил с ним о фотографировании соседки, г-жи Л., и повторил слова последнего по этому поводу.

Таким образом, вывод суда, что М.Ф. не представился до начала освидетельствования В.Г. Федорова и не сообщил ему о причинах и целях этого освидетельствования, не следует из обстоятельств дела.

Суд допустил ошибку в заключении, что М.Ф. освидетельствовал В.Г. Федорова без его согласия и какой-либо просьбы последнего о таком освидетельствовании.

Суд считает, что письменное заявление г-жи Л. давало психиатру достаточные основания для проведения психиатрического освидетельствования в соответствии с требованиями пункта 3 статьи 11 Закона Украины «О психиатрической помощи».

Без всякого обоснования суд первой инстанции объявил неверным заключение ... о состоянии здоровья В.Г. Федорова, так как на момент рассмотрения материалы дела не содержали никаких свидетельств, опровергающих этот диагноз.

Суд считает, что действия врача-психиатра М.Ф., главного психиатра ... В.Т. были совместимы с требованиями статьи 11 Закона Украины «О психиатрической помощи».

Решение суда первой инстанции должно быть отменено, так как выводы суда не следуют из обстоятельств дела».

16. Первый заявитель ходатайствовал об обжаловании в кассационном порядке. Он утверждал, в частности, что апелляционный суд незаконно провел слушания в его отсутствие и в отсутствие его адвоката, не уведомив их о дате слушания. Он отметил, что материалы дела содержали неподписанное ходатайство о проведении слушания в его отсутствие. Тем не менее, первый заявитель утверждал, что это неподписанное ходатайство было

сфальсифицировано, и что даже если бы не было, то ходатайство о рассмотрении дела в отсутствие его адвоката не подавалось. Первый заявитель далее утверждал, что судебное решение недостаточно мотивировано. Он отметил, в частности, что, в соответствии с действующим законодательством, лицо может быть подвергнуто психиатрическому освидетельствованию: (а) с его (или его представителя) согласия, или (б) по решению суда, или (в) в случае неотложной необходимости. Поскольку освидетельствование первого заявителя не было основано ни на его согласии, ни на решении суда, апелляционный суд должен был обосновать, что для этого существовала неотложная необходимость. Наконец, первый заявитель жаловался, что апелляционный суд не рассмотрел его аргументы относительно нарушения соответствующих медицинских инструкций по диагностике хронических бредовых расстройств, которые предусматривают длительное наблюдение за пациентом. По мнению первого заявителя, обосновывая вывод о правильности диагноза отсутствием каких-либо доказательств обратного, суд апелляционной инстанции нарушил правовые положения, касающиеся презумпции психического здоровья.

17. 23 мая 2003 года Верховный суд отклонил ходатайство первого заявителя о подаче кассационной жалобы, в целом поддержав выводы апелляционного суда.

18. В мае 2003 года В.Т. уведомил адвоката первого заявителя о том, что имени первого заявителя нет в реестре лиц, страдающих психическими расстройствами. 9 сентября 2003 года Ассоциация психиатров сообщила первому заявителю, что, изучив его медицинские документы, они не нашли оснований полагать, что он страдает какими-либо расстройствами. 2 февраля 2004 года заявитель был также освидетельствован в Киевском институте психиатрии, и было признано, что у него нет никаких признаков расстройства, и он не нуждается в лечении. Впоследствии, ссылаясь на эти документы, первый заявитель безуспешно пытался добиться пересмотра судебного решения от 30 апреля 2002 года в порядке исключительного производства.

В. Помещение первого заявителя в психиатрическую клинику 7 марта 2003 года и последующие освидетельствования

19. В январе 2003 года Полтавская больница получила несколько жалоб от односельчан заявителя с просьбой поместить его в психиатрическую больницу в связи с различными случаями враждебного поведения по отношению к ним.

20. Ссылаясь на эти жалобы, В.Т. попросил Полтавский районный суд санкционировать помещение первого заявителя

в психиатрическую больницу для освидетельствования и, при необходимости, для лечения. 20 февраля 2003 года суд прекратил разбирательство, сообщив В.Т., что этот вопрос находится в компетенции наблюдающего психиатра.

21. 4 марта 2003 года В.Т. обратился с письмом в районный отдел милиции с просьбой оказать содействие в госпитализации первого заявителя в связи с его опасностью для окружающих. В своем письме он отметил, в частности, что «в настоящий момент Федоров В.Г. представляет собой опасность для общества. По причине своего психического расстройства во время госпитализации В.Г. Федоров может использовать охотничье оружие для самообороны».

22. По словам первого заявителя, 5 марта 2003 года В.Т. выписал справку, подтверждающую его психическую пригодность для продления разрешения на владение охотничьим ружьем.

23. 6 марта 2003 года М.Ф. и два сотрудника милиции прибыли в дом заявителей в машине скорой помощи, чтобы обсудить процедуру, касающуюся продления разрешения. По словам первого заявителя, они пригласили его проследовать с ними в отделение милиции для завершения необходимых формальностей, однако он отказался, уверив их, что он сделает это позже.

24. Примерно в 10:00 7 марта 2003 года заявители пришли в отделение милиции и попросили дать им указания в отношении завершения формальностей для продления разрешения на владение ружьем.

25. Примерно в 12:00 М.Ф. прибыл в машине скорой помощи и объявил заявителям, что первый заявитель должен быть госпитализирован. Несмотря на протесты заявителей, четверо милиционеров отвели первого заявителя в машину скорой помощи и доставили его в Полтавскую областную психиатрическую больницу, где в тот же день он прошел два психиатрических освидетельствования.

26. 8 марта 2003 года первый заявитель был выписан из областной клинической больницы, поскольку не нуждался в стационарном лечении. Позднее, 17 марта 2003 года, Н.Н., главный психиатр областной клинической больницы, сообщил адвокату первого заявителя, что диагноз первого заявителя (хроническое бредовое расстройство), который послужил основанием для его госпитализации, не был подтвержден. Однако было признано, что он страдает «патологическим поведенческим расстройством личности эпилептически неустойчивого типа, в стадии субкомпенсации». В сентябре 2003 года Ассоциация психиатров сообщила первому заявителю, что такой диагноз не фигурирует в международной классификации. 11 октября 2007 года первый заявитель прошел психиатрическое освидетельствование в Киевском центре судебно-

медицинской экспертизы. Комиссия экспертов пришла к выводу, что ни 15 июня 2001 года, ни 7 марта 2003 года, то есть во время освидетельствований, первый заявитель не страдал какими-либо психическими расстройствами.

27. 11 марта 2003 года заявители подали жалобу в Полтавскую районную прокуратуру о том, что они подверглись жестокому обращению со стороны М.Ф. и сотрудников милиции 7 марта 2003 года. Они отметили, в частности, что решение о госпитализации первого заявителя было произвольным, и, принимая его, Т.Н. превысил свои служебные полномочия. Они также пожаловались, что сотрудники милиции применили чрезмерную силу при исполнении этого решения, что стало причиной получения ими телесных повреждений. Применение силы было чрезмерным, поскольку протесты первого заявителя ограничивались просьбой связаться с его адвокатом и требованием встречи с начальником отделения милиции, что было правомерным в данной ситуации. В ответ он был схвачен четырьмя милиционерами, который избили его кулаками и ногами и стащили вниз по лестнице в машину скорой помощи. Вторая заявительница пыталась вмешаться, но безрезультатно. По ее словам, сотрудники милиции ударили ее по рукам, толкнули ее в грудь и прижали к двери, оттесняя от первого заявителя.

28. В тот же день заявители были осмотрены медицинскими экспертами, которые обнаружили у первого заявителя ушибы мягких тканей головы, лица, левой ноги и шеи, в общем квалифицированные как «легкие телесные повреждения», которые могли быть получены в день и при обстоятельствах, описанных им. У второй заявительницы были выявлены ушибы правой руки, левой руки, левого колена и правой ноги, нанесенные тупыми предметами, возможно, в день и при обстоятельствах, описанных ей. Травмы второй заявительницы были также в общем квалифицированы как «легкие».

29. 16 апреля 2003 года Полтавская районная прокуратура отказала в возбуждении уголовного дела, установив, что, удерживая первого заявителя, который возражал против законных действий М.Ф. и распоряжений сотрудников милиции сесть в машину скорой помощи, сотрудники милиции не превысили свои полномочия, предусмотренные действующим законодательством.

30. 27 июня 2003 года первый заявитель прошел рентгеновское обследование, и у него обнаружили перелом челюсти.

31. В июле 2003 года первый заявитель прошел дополнительную медицинскую экспертизу, которая установила, что перелом челюсти мог быть получен во время его помещения в машину скорой помощи в марте 2003 года, как он описывал, и его травмы были переквалифицированы в «телесные повреждения средней тяжести».

Основываясь на этих выводах, заявители вновь просили возбудить уголовное дело в отношении М.Ф. и сотрудников милиции.

32. Несколько раз (14 августа, 11 ноября и 24 декабря 2003 года, 25 мая 2004 года и 4 марта 2005 года), районная прокуратура отказывала в возбуждении уголовного дела из-за отсутствия доказательств преступного поведения сотрудников милиции и М.Ф. Все эти решения были впоследствии отменены вышестоящими органами прокуратуры и судом Октябрьского района ввиду недостатков расследования и различных процессуальных нарушений.

33. 18 ноября 2003 года заместитель Полтавской областной прокуратуры в письме прокурору Полтавского района упрекал его за то, что он не организовал тщательное изучение жалоб заявителей. Он отметил, в частности, что районный прокурор не изучил материалы дела и не дал письменные инструкции относительно расследования, что очевидцы инцидента не были выявлены и допрошены и что принятые меры были поверхностными. Заместитель районного прокурора также дал различные инструкции относительно дальнейшего расследования дела.

34. 28 июля 2005 года Полтавская областная прокуратура возбудила уголовное дело для расследования обстоятельств, при которых первый заявитель получил телесные повреждения.

35. 18 октября 2005 года Октябрьский районный суд Полтавы также возбудил уголовное дело в отношении травм второго заявителя.

36. Несколько раз (в частности, 25 декабря 2005 года, 10 июня 2006 и 29 декабря 2007 года) это уголовное дело прекращалось из-за недостатка доказательств преступных действий М.Ф. и сотрудников милиции. Эти решения были отменены вышестоящими органами прокуратуры или суда на основании недостаточности мер, принятых для расследования жалоб заявителей.

37. 22 мая 2009 года прокуратура прекратила уголовное дело. В решении, в частности, отмечалось, что Полтавская районная больница неоднократно получала жалобы от соседей заявителей на агрессивное поведение первого заявителя. В частности, одна такая жалоба, подписанная пятью жителями, была получена в феврале 2003 года. Получив постановление местного суда о том, что решение о госпитализации первого заявителя может быть принято наблюдающим психиатром, В.Т. попросил сотрудников милиции помочь при госпитализации. Ни М.Ф., ни сотрудники милиции не превысили свои полномочия, возложенные на них действующим законодательством, требуя госпитализации первого заявителя. Сила, примененная к заявителям, были соразмерной и не превышала необходимой для преодоления их сопротивления. В частности, согласно оценкам экспертов и результатам следственного эксперимента, первый заявитель, видимо, сломал челюсть, случайно

ударившись головой о машину скорой помощи при сопротивлении сотрудникам милиции, которые пытались посадить его в машину.

38. Решением от 14 сентября 2009 года, оставленным в силе в апелляции 29 октября 2009 года, Октябрьский районный суд отменил это решение. Суд отметил, в частности, что в то время, когда прокуратура проводила следственный эксперимент, основываясь на версии событий сотрудников милиции, она не проверила версию заявителей. Аналогично, медицинская экспертиза проверяла только версию милиции. Милиция также не нашла никаких очевидцев инцидента, которых можно было бы расспросить, и не выполнила различные инструкции, данные, в частности, судом при рассмотрении предыдущего решения о прекращении разбирательства.

39. Согласно материалам дела, расследование жалоб заявителей по поводу жестокого обращения еще не окончено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

A. Конституция Украины 1996 года

40. Соответствующее положение Конституции гласит:

Статья 29

« Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом.

В случае неотложной необходимости предотвратить преступление или его пресечь уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение семидесяти двух часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение семидесяти двух часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о содержании под стражей.

Каждому арестованному или задержанному должно быть безотлагательно сообщено о мотивах ареста или задержания, разъяснены его права и предоставлена возможность с момента задержания защищать себя лично и пользоваться правовой помощью защитника.

Каждый задержанный имеет право в любое время обжаловать в суде свое задержание...»

В. Уголовно-процессуальный Кодекс

41. Соответствующие положения кодекса можно найти в решении по делу *Kozinets v. Ukraine* (no. 75520/01, §§ 40-42, 6 December 2007).

С. Гражданский процессуальный Кодекс 1960 года

42. Соответствующие положения кодекса, касающиеся мер по уведомлению, приведены в решении по делу *Strizhak v. Ukraine* (no. 72269/01, §§ 30-31, 8 November 2005) и в решении о приемлемости по делу *Shytik v. Ukraine* (no. 2911/03 of 30 September 2008).

Д. Закон Украины «О психиатрической помощи»

43. Соответствующие положения Закона Украины «О психиатрической помощи» гласят:

Статья 3. Презумпция психического здоровья

«Каждое лицо считается не имеющим психического расстройства, пока наличие такого расстройства не будет установлено по основаниям и в порядке, предусмотренным настоящим Законом и другими законами Украины».

Статья 11. Психиатрическое освидетельствование

«Психиатрическое освидетельствование проводится с целью выяснения: наличия или отсутствия у лица психического расстройства, потребности в оказании ему психиатрической помощи, а также для решения вопроса о виде такой помощи и порядке ее оказания.

Психиатрическое освидетельствование проводится врачом-психиатром по просьбе или с осознанного согласия лица...

Психиатрическое освидетельствование лица может быть проведено без его осознанного согласия... когда полученные сведения дают достаточные основания для обоснованного предположения о наличии у лица тяжелого психического расстройства, вследствие чего оно:

– совершает или проявляет реальные намерения совершить действия, представляющие непосредственную опасность для него либо окружающих; или

– неспособно самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности на уровне, обеспечивающем его жизнедеятельность; или

– нанесет значительный вред своему здоровью... в случае не оказания ему психиатрической помощи.

Решение о проведении психиатрического освидетельствования лица без его осознанного согласия... принимается врачом-психиатром по заявлению,

содержащему сведения, дающие достаточные основания для такого освидетельствования. ...

В неотложных случаях... решение о проведении психиатрического освидетельствования лица без его осознанного согласия... принимается врачом-психиатром самостоятельно, и психиатрическое освидетельствование проводится им немедленно.

В случаях ... врач-психиатр направляет в суд ... заявление о проведении психиатрического освидетельствования ... Психиатрическое освидетельствование лица проводится врачом-психиатром в принудительном порядке по решению суда.

Данные психиатрического освидетельствования с заключением о состоянии психического здоровья лица, а также причины обращения к врачу-психиатру и медицинские рекомендации фиксируются в медицинской документации».

Статья 14. Основания для госпитализации лица в психиатрическое учреждение в принудительном порядке

«Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрическое учреждение без его осознанного согласия..., если его обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, и при установлении у лица тяжелого психического расстройства, вследствие чего оно:

– совершает или проявляет реальные намерения совершить действия, представляющие непосредственную опасность для него либо окружающих; или

– неспособно самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности на уровне, обеспечивающем его жизнедеятельность».

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ЗАЯВИТЕЛЕЙ

44. Первый заявитель жаловался, что 7 марта 2003 года он был унижен, будучи незаконно госпитализированным в принудительном порядке. Оба заявителя также жаловались, что они получили телесные повреждения в результате применения непропорциональной силы в ответ на их сопротивление госпитализации первого заявителя и что расследование их жалоб по этому поводу было неэффективным. В связи с этими жалобами заявители сослались на статью 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Приемлемость

45. Правительство утверждало, что разбирательство жалоб заявителей на жестокое обращение еще не завершено. Поэтому заявители не исчерпали соответствующие национальные средства правовой защиты и их жалобы на жестокое обращение должны быть отклонены как неприемлемые.

46. Заявители утверждали, что возражение Правительства следует рассматривать в свете жалобы, касающейся эффективности расследования.

47. Суд считает, что возражение Правительства поднимает вопросы, которые должны быть рассмотрены вместе с основными положениями Конвенции, на которые ссылаются заявители. В этой связи Суд присоединяет это возражение к существу дела (см., например, *Vergelskyu v. Ukraine*, no. 19312/06, § 94, 12 March 2009).

48. Кроме того, Суд отмечает, что эти жалобы не являются явно необоснованными в значении статьи 35 § 3 Конвенции и неприемлемыми по другим основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

В. Существо дела

1. В отношении заявленного жестокого обращения

(а) Аргументы сторон

49. Заявители утверждали, что они стали жертвами бесчеловечного и унижающего достоинство обращения со стороны М.Ф. и сотрудников милиции. В частности, они ссылались на статью 29 Конституции и Закон Украины «О психиатрической помощи» и утверждали, что для того, чтобы быть законным, принудительное психиатрическое вмешательство, в частности, помещение в больницу, должно быть санкционировано компетентным судом. Решение, принятое в отношении первого заявителя главным психиатром местной больницы в одностороннем порядке и в отсутствие каких-либо процессуальных гарантий, было явно произвольным и незаконным. Применение физической силы для доставки первого заявителя в психиатрическую клинику против его воли было, следовательно, незаконным и произвольным, и нанесло первому

заявителю унижение, превышающее порог, предусмотренный статьей 3 Конвенции, особенно в контексте следующих обстоятельств.

50. Заявители прибыли, по приглашению милиции, в отделение милиции, чтобы продлить разрешение первого заявителя на ружье, и в течение примерно двух часов терпеливо ожидали завершения оформления документов. 5 марта 2003 года, за два дня до инцидента, первый заявитель получил справку о психиатрической пригодности для продления разрешения на ружье. Информация о принудительной госпитализации и требование выполнить это распоряжение немедленно, были крайне неожиданными. Явная незаконность этого распоряжения подчеркивалась тем, что М.Ф., который представлял психиатрическую службу, был противником первого заявителя в гражданском судопроизводстве, связанном с законностью его предыдущего психиатрического освидетельствования.

51. Отказываясь выполнить распоряжение, первый заявитель действовал добросовестно, в целях защиты своих гражданских прав. Он только хотел связаться с начальником отделения милиции для получения подтверждения относительно приказа, отданного им своим подчиненным, и проконсультироваться с адвокатом о своих правах и обязанностях в данных обстоятельствах. Даже если предположить, что решение о принудительной госпитализации было законным, способ протеста заявителей против него сделал применение какого-либо физического воздействия чрезмерным и унижительным.

52. Наконец, вне зависимости от необходимости применения силы, ее применение к обоим заявителям было явно непропорциональным и равносильным бесчеловечному обращению. Заявители – немолодые люди неатлетического сложения. Они не применяли насилия и не пытались обидеть или навредить кому-то. Инцидент произошел на территории отделения милиции, где было множество сотрудников милиции, которые имели значительное преимущество в данной ситуации. Более того, в отличие от заявителей, которые были застигнуты врасплох, милиционеры и М.Ф. имели возможность спланировать операцию заранее. В то же время, сотрудники милиции действовали жестоко, сознательно пренебрегая тем фактом, что они наносят телесные повреждения, если не с прямым намерением нанести вред заявителям (они били заявителей кулаками, ногами, толкали заявителей и прижали дверь вторую заявительницу, чтобы не дать ей выйти). Они продолжали бить ногами первого заявителя, после того как он был помещен в машину скорой помощи. Принимая во внимание все сказанное выше, травмы обоих заявителей не могут быть оправданы в соответствии со статьей 3 Конвенции.

53. Правительство утверждало, что решение подвергнуть первого заявителя стационарному обследованию было принято на разумных основаниях и добросовестно. В частности, власти получали

многочисленные жалобы от соседей и других односельчан, касающиеся различных проявлений психических отклонений и агрессии с его стороны, включая нанесение телесных повреждений средней тяжести г-же Л. в 2000 году. 20 февраля 2003 года главный психиатр получил решение суда, разрешающее ему действовать по своему усмотрению в отношении госпитализации первого заявителя. Таким образом, принимая решение о принудительной госпитализации и обратившись за помощью в выполнении этого решения к сотрудникам милиции, он действовал в рамках закона.

54. 7 марта 2003 года, когда заявители пришли в отделение милиции для продления разрешения первого заявителя на ружье, психиатрическая служба была проинформирована об этом, и М.Ф. прибыл, чтобы забрать первого заявителя в больницу. Сила, примененная к заявителям, не превышала абсолютно необходимой для обеспечения законного порядка госпитализации и преодоления сопротивления заявителей. Заявители были сами виноваты в своих травмах, полученных, в первую очередь, вследствие ударов о различные предметы, а действия сотрудников милиции были направлены исключительно на их сдерживание и обеспечение выполнения распоряжения о госпитализации первого заявителя. Эти действия были строго соразмерны необходимости поместить первого заявителя в машину скорой помощи и доставить его в больницу. Таким образом, заявители не подвергались жестокому обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

(b) Оценка Суда

55. Суд отмечает, что обе стороны в настоящем деле согласны, что у первого заявителя была сломана челюсть и что оба заявителя получили ушибы, ссадины и другие незначительные телесные повреждения 7 марта 2003 года в результате их сопротивления милиции и М.Ф. Стороны расходятся во мнениях относительно того, было ли решение о применении физической силы и способ, которым она была применена, оправданы в соответствии со статьей 3 Конвенции в контексте конкретной ситуации.

56. Суд повторяет, что в соответствии с его прецедентным правом, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие статьи 3. Оценка этого минимального уровня жестокости относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические и психологические последствия, а в некоторых случаях от пола, возраста и состояния здоровья жертвы. Обвинения в жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами, оцененными Судом на основании стандарта

доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Jalloh v. Germany* [GC], no. 54810/00, § 67, ECHR 2006-IX).

(i) В отношении первого заявителя

57. В данном случае не были представлены доказательства того, что сотрудники милиции нанесли травмы первому заявителю после того, как им удалось поместить его в машину скорой помощи. Таким образом, Суд отклоняет это утверждение как необоснованное.

58. Что касается оценки силы, примененной для помещения первого заявителя в машину, Суд отмечает, во-первых, что характер и степень тяжести телесных повреждений, нанесенных первому заявителю, не являются единственными факторами, которые нужно рассматривать при принятии решения, подпадает ли обращение под действие статьи 3.

59. В этой связи Суд ссылается на общие принципы, установленные в его прецедентном праве, и отмечает, что, если обращение или наказание не связано с какими-либо телесными повреждениями, оно может подпадать под действие статьи 3, если оно причинило заявителю страдания или унижения, превышающие страдания или унижения, неизбежно связанные с данной формой законного обращения или наказания (см., например, *Jalloh*, цит. выше, § 68). Чтобы считать меру «унижающей достоинство», существенна степень, в которой она вызвала у жертвы чувство страха, тревоги и неполноценности, способные унижить и оскорбить ее, и, возможно, сломить ее физическое и моральное сопротивление, или побудить ее действовать против своей воли или совести (там же). Может быть вполне достаточно того, что жертва была унижена в своих собственных глазах, даже не в глазах других людей (см., например, *Erdoğan Yağız v. Turkey*, no. 27473/02, § 37, ECHR 2007-III (extracts)).

60. Таким образом, Суд квалифицировал как «унижающие достоинство» различные меры принуждения, будь то законные или незаконные, когда было признано, что они применялись оскорбительным для человеческого достоинства образом и без учета конкретной ситуации и поведения жертвы. Например, нарушение статьи 3 было установлено, когда, без достаточных оснований, заявители были помещены в металлическую клетку, отделяющую их от публики, во время уголовного процесса против них (*Ramishvili and Kokhreidze v. Georgia*, no. 1704/06, §§ 99-102, 27 January 2009), когда заявители публично находились в наручниках (см., например, *Erdoğan Yağız*, цит. выше, §§ 45-48, и *Gorodnichev v. Russia*, no. 52058/99, §§ 104, 108-109, 24 May 2007), когда проводился незаконный личный досмотр с раздеванием (см., например, *Iwańczuk v. Poland*, no. 25196/94, § 59, 15 November 2001; *Wieser v. Austria*, no. 2293/03, § 40, 22 February 2007; и *Malenko v. Ukraine*, no. 18660/03, §§ 59-61,

19 February 2009), когда заявителю необоснованно сбрили волосы в качестве дисциплинарного наказания за критические записки в адрес государственных органов и его охранников в тюрьме (*Yankov v. Bulgaria*, no. 39084/97, §§ 117-122, ECHR 2003-XII (extracts)), или когда заявитель, находясь в вытрезвителе, был принудительно раздет тремя сотрудниками, в том числе двумя лицами противоположного пола, и на десять часов привязан к кровати ремнями (*Wiktorko v. Poland*, no. 14612/02, §§ 54-55, 31 March 2009).

61. Суд далее отмечает, что первый заявитель был помещен в психиатрическую клинику против его воли, что может считаться серьезным вмешательством в его физическую и психическую целостность, а также личную неприкосновенность. В ряде случаев Суд уже признавал, что принудительное медицинское вмешательство, будучи в принципе оправданным, должно подвергаться строгой проверке в соответствии со статьей 3 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, *Herczegfalvy v. Austria*, 24 September 1992, §§ 82-83, Series A no. 244). При принятии решения о соответствии таких мер вышеуказанному положению, Суд рассматривал, среди других факторов, вопрос, обеспечивал ли предшествующий процесс принятия решения достаточные процессуальные гарантии для заявителя (см. *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, no. 54825/00, §§ 94 -99, ECHR 2005-II; *Jalloh*, цит. выше, §§ 69, 76 and 82); *Ciorap v. Moldova*, no. 12066/02, § 89, 19 June 2007; и *Kucheruk v. Ukraine*, no. 2570/04, §§ 139 - 146, ECHR 2007-X).

62. В данном случае решение поместить первого заявителя в психиатрическую больницу было принято в одностороннем порядке районным психиатром, который, похоже, никогда не осматривал его лично. Первый заявитель не имел возможности оспорить это решение до его исполнения. Напротив, по его утверждениям, не оспариваемым Правительством, информация о решении о принудительной госпитализации застала первого заявителя врасплох, поскольку за два дня до этих событий он получил справку о психиатрической пригодности и пришел в милицию, добросовестно веря, что он продлит разрешение на ружье. Кроме того, первому заявителю не была предоставлена возможность связаться ни с начальником отделения милиции, ни со своим адвокатом до применения этой меры. Поэтому процессу принятия решения о принудительной госпитализации в данном случае не доставало основных процессуальных гарантий, что вызывает серьезные сомнения относительно медицинской необходимости этой меры и еще более серьезные сомнения относительно необходимости ее силового применения.

63. С другой стороны, ряд факторов позволяет предположить, что не было никакой крайней необходимости применять силу для выполнения решения о принудительной госпитализации первого

заявителя. В частности, заявитель добровольно пришел в отделение милиции и не вел себя агрессивно до сообщения ему о приказе относительно госпитализации. Как видно из материалов дела, он отказался пройти в машину скорой помощи и решительно потребовал встречи со своим адвокатом и с начальником отделения милиции, чтобы высказать ему протест против своей госпитализации. Тем не менее, представляется, что он не попытался нанести кому-либо какой-либо физический вред или сбежать из отделения милиции. В связи с этим, Суд считает, что это дело отличается от случаев, когда заявители яростно сопротивлялись, в то время как от них требовалось выполнить законные требования сотрудников правоохранительных органов, что является одной из обязанностей, составляющей гражданский долг в демократическом обществе (*Berliński v. Poland*, nos. 27715/95 and 30209/96, § 62, 20 June 2002, и *Barta v. Hungary*, no. 26137/04, § 71, 10 April 2007). Кроме того, Суд отмечает, что неясно, добросовестно ли действовали сотрудники милиции, учитывая информацию об опасности заявителя, и в какой степени они должны были следовать приказу психиатра. В частности, Правительство не сообщило Суду ни о каких конкретных правилах в этой связи. Однако, по мнению Суда, в контексте данной ситуации, их реакция на требования первого заявителя относительно разъяснения правомерности приказа о его госпитализации, а именно, применение силы, чтобы посадить его в машину скорой помощи, была явно несоразмерной.

64. Таким образом, Суд считает, что, принимая во внимание серьезность вмешательства в личную неприкосновенность первого заявителя в связи с его принудительной госпитализацией в психиатрическую клинику, применение физической силы в ответ на его попытки выяснить законность меры могла унизить его до такой степени, что это выходило за рамки, дозволенные статьей 3 в отношении принудительных медицинских процедур. Таким образом, имело место унижительное обращение.

65. Кроме того, Суд считает, что даже в случаях, касающихся законного применения силы для преодоления сопротивления, государственные служащие несут ответственность за разумное планирование своих действий, чтобы свести к минимуму возможные телесные повреждения (см., *mutatis mutandis*, *Rehbock v. Slovenia*, no. 29462/95, §§ 71-72, 76, ECHR 2000-XII; *R.L. and M.-J.D. v. France*, no. 44568/98, §§ 66-73, 19 May 2004; и *Kopylov v. Russia*, no. 3933/04, §§ 162-165, 29 July 2010). В данном случае Суд принимает во внимание, что и психиатры, и сотрудники милиции, участвовавшие в инциденте, имели достаточно времени, чтобы спланировать свои действия заранее, в том числе подготовиться к возможным насильственным действиям и сопротивлению со стороны первого

заявителя, который якобы нуждался в стационарном лечении в связи с его агрессивным и неадекватным поведением. Кроме того, Суд отмечает, что конфликт произошел в помещении отделения милиции, сотрудники которого, прошедшие специальную подготовку, имели явное преимущество над двумя заявителями, которые не обладали особой силой или навыками, чтобы противостоять им. Сотрудники милиции находились в гораздо более выгодном положении в плане контроля над ситуацией. На основании вышеизложенного, Суд считает, что, независимо от того, нанес ли первый заявитель телесные повреждения сам себе, вследствие ударов о различные предметы, как утверждает Правительство, или они были нанесены сотрудниками милиции, как следует из его слов, Правительство не смогло доказать, что эти повреждения могли быть получены вследствие применения силы, уместного в данных обстоятельствах. Таким образом, Суд считает, что применение силы было непропорциональным и составило бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по отношению к первому заявителю.

66. Таким образом, первый заявитель подвергся жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

(ii) В отношении второго заявителя

67. Суд отмечает, что вторая заявительница получила ушибы и другие легкие телесные повреждения в результате ее попытки вмешаться в действия сотрудников милиции в связи с принудительной госпитализацией ее мужа. Суд считает эти повреждения достаточными для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, поскольку насильственные действия милиции, в контексте унижающего достоинство обращения с мужем второй заявительницы, были явно несоразмерными. При оценке того, может ли государство нести ответственность за данные телесные повреждения, Суд ссылается на свои рассуждения в § 65 выше, и считает, что Правительство не предоставило правдоподобных объяснений, освобождающих его от ответственности за травмы второй заявительницы. Таким образом, сила, примененная ко второй заявительнице, может квалифицироваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

68. Следовательно, была нарушена статья 3 Конвенции в связи с жестоким обращением со второй заявительницей.

2. В отношении эффективности расследования

(а) Аргументы сторон

69. По словам заявителей, расследование жалоб на жестокое обращение не соответствовало основным требованиям эффективности, предусмотренным статьей 3 Конвенции. Уголовное разбирательство было начато только через два года после инцидента 7 марта 2003 года (28 июля 2005 года в отношении первого заявителя и 18 октября 2005 года в отношении второй заявительницы). Эта задержка не могла не повлечь за собой утрату ценных доказательств. Кроме того, даже после возбуждения дела, расследование было поверхностным, и власти не установили и не наказали лиц, ответственных за жестокое обращение с заявителями, по сей день, то есть более чем через семь лет после инцидента.

70. Правительство не согласилось. Оно заявило, что расследование проводится прокуратурой, независимой от органов, причастных к инциденту. Кроме того, Правительство утверждало, что был проведен ряд следственных мероприятий, включая допросы свидетелей, медицинские экспертизы и следственные эксперименты, и что власти делают все от них зависящее для установления обстоятельств происшествия, принятия решения о виновности и наказания лиц, ответственных за жестокое обращение (если таковые имеются).

(б) Оценка Суда

71. Суд повторяет, что, когда лицо подает обоснованную жалобу, что оно подверглось серьезному жестокому обращению со стороны государственных органов в нарушение статьи 3, это положение в сочетании с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции косвенно требует проведения эффективного официального расследования (см., например, *Assenov and Others v. Bulgaria*, 28 October 1998, § 102, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VIII).

72. Что касается обстоятельств данного дела, Суд отмечает, прежде всего, что заявители подали свои жалобы на жестокое обращение в течение нескольких дней после инцидента. Кроме того, он отмечает, что личности должностных лиц, причастных к жестокому обращению, были указаны в этих жалобах. В то же время, расследование, которое длилось более семи лет, так и не привело к выводу, должны ли эти должностные лица понести ответственность за свои действия.

73. Кроме того, Суд отмечает, что расследование несколько раз прекращалось, так как прокуратура не могла обнаружить доказательства жестокого обращения. Все решения о прекращении расследования были впоследствии аннулированы вышестоящими

органами прокуратуры или суда, в связи с тем, что прокуратура не использовала все имеющиеся у нее средства для установления соответствующих обстоятельств. В своих соответствующих решениях эти органы прямо указывали на ряд мер, которые могли бы быть приняты, и отмечали, что их предыдущие инструкции не были полностью выполнены. Несмотря на это, расследование неоднократно прекращалось, в сущности, на тех же основаниях, как и до этого, без принятия дальнейших существенных мер.

74. Суд считает, что фактические обстоятельства расследования жалоб заявителей на жестокое обращение в данном случае аналогичны ситуациям в ряде недавних дел, в которых Суд признал нарушения (см., например, *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, §§ 112-113 и 120-121, 26 January 2006; *Kozinets*, цит. выше, §§ 61-62 и 65; и *Kobets v. Ukraine*, no. 16437/04, §§ 53-56, 14 February 2008).

75. В свете обстоятельств данного дела и своего прецедентного права, Суд приходит к выводу, что в данном случае была нарушена статья 3 Конвенции в связи с неэффективным расследованием жалоб заявителей на жестокое обращение с ними в связи с исполнением приказа о госпитализации первого заявителя. Отсюда следует, что возражение Правительства о приемлемости (см. § 45 выше) должно быть отклонено.

76. В свете всего вышесказанного, Суд находит, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с неэффективным расследованием жалоб заявителей на жестокое обращение.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ

77. Кроме того, первый заявитель жаловался по статье 8 Конвенции, что он подвергся психиатрическому освидетельствованию 15 июня 2001 года и ему был поставлен диагноз «хроническое бредовое расстройство» в нарушение применимого законодательства. Данное положение гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной... жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость

78. Правительство не представило комментариев относительно приемлемости жалобы первого заявителя в соответствии со статьей 8 Конвенции.

79. Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении статьи 35 § 3(а) Конвенции. Кроме того, он отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

80. Первый заявитель утверждал, что и его освидетельствование 15 июня 2001 года, и вывод, что он страдает хроническим бредовым расстройством, были незаконными. Он утверждал, в частности, что результаты последующего внутреннего гражданского разбирательства по его делу не должны приниматься во внимание, так как судебные органы не обеспечили справедливое судебное разбирательство и не представили оснований для применения статьи 11 Закона «О психиатрической помощи» в его конкретном случае, а также не рассмотрели его утверждения, что его освидетельствование и постановка диагноза были незаконными. Выводы суда, что освидетельствование было проведено должным образом, были полностью необоснованными. Он также утверждал, что письмо г-жи Л. не могло считаться достаточным основанием для его принудительного освидетельствования. Наконец, он утверждал, что краткий неофициальный разговор нельзя квалифицировать как официальное психиатрическое освидетельствование и основание для диагностики у него серьезного психического расстройства.

81. Правительство не согласилось. Оно признало, что психиатрическое освидетельствование первого заявителя являлось вмешательством в его личную жизнь по смыслу статьи 8 Конвенции. Оно утверждало, однако, что это вмешательство было оправданным в соответствии с пунктом 2 данного положения. В частности, освидетельствование было проведено на основании письма г-жи Л., содержащего жалобы на ненормальное поведение первого заявителя, которое представляло угрозу ее собственной безопасности и безопасности окружающих. Эти жалобы не были необоснованными, в частности, в июне 2000 года первый заявитель нанес травмы г-же Л. Другие односельчане также жаловались в различные инстанции на провокационное поведение первого заявителя. Правительство представило в этой связи копии жалоб на поведение первого заявителя,

полученных от различных людей в 2000-2003 годах. В свете этого, психиатрическое освидетельствование первого заявителя преследовало законную цель, а именно – защиту прав других людей. Оно было необходимо в демократическом обществе и проведено в соответствии с законом, в частности, в соответствии с положениями статьи 11 Закона Украины «О психиатрической помощи», разрешающими принудительное психиатрическое освидетельствование лиц, которые проявляют реальные намерения совершить действия, представляющие непосредственную опасность для окружающих. Наконец, Правительство утверждало, что правомерность применения этого положения в случае первого заявителя было подтверждено судебными органами на двух уровнях в ходе оспариваемого разбирательства.

2. Оценка Суда

82. Суд уже признавал ранее в различных контекстах, что понятие частной жизни включает в себя физическую и психологическую целостность человека (см., например, *A v. Croatia*, по. 55164/08, § 60, ECHR 2010-...), и что психическое здоровье является важной частью частной жизни (см., например, *Dolenec v. Croatia*, по. 25282/06, § 165, 26 November 2009). В соответствии с этими принципами, Суд считает, что в данном случае освидетельствование первого заявителя психиатром государственной больницы и постановка диагноза «хроническое бредовое расстройство» являлось вмешательством в его частную жизнь. Факт такого вмешательства не оспаривается сторонами.

83. Кроме того, Суд повторяет, что вмешательство противоречит статье 8 за исключением случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более оправданных целей, указанных в пункте 2, и, кроме того, является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см., среди недавних дел, *Guțu v. Moldova*, по. 20289/02, § 65, 7 June 2007). Выражение «предусмотрено законом», подразумевает, в частности, требование разумной ясности в отношении масштабов и способов применения дискреционных полномочий, возложенных на государственные органы (см. *Domenichini v. Italy*, 15 November 1996, § 33, *Reports* 1996-V).

84. В своих аргументах Правительство сослалось на статью 11 Закона Украины «О психиатрической помощи» (см. § 43 выше) в качестве юридического основания для вмешательства, и упомянуло письма г-жи Л. и других жителей деревни в качестве непосредственных оснований для освидетельствования первого заявителя с целью принятия решения о необходимости оказания ему психиатрической помощи.

85. Суд отмечает, что в данном законе приведены исчерпывающие основания для освидетельствования лица психиатром (см. § 43 выше).

Как следует из анализа соответствующего текста, эти основания таковы: (а) согласие или запрос лица (или его представителя), (б) решение суда, или (в) неотложная необходимость (в случае, если человек представляет непосредственную опасность для себя или для окружающих).

86. Суд отмечает, что анализ того, какие из вышеупомянутых оснований применимы в случае первого заявителя, отсутствует в решении апелляционного суда Полтавской области, который постановил, что освидетельствование было законным (см. § 15 выше).

87. Суд ссылается в этой связи на замечание Правительства, что освидетельствование было проведено на основании жалобы г-жи Л. главному психиатру Полтавской больницы на ненормальное и оскорбительное поведение первого заявителя. Ни в соответствующем решении суда, ни в других материалах дела, ни в замечаниях Правительства нет никаких сведений о запросе или согласии первого заявителя на освидетельствование или о решении суда по этому поводу. Что касается еще одного основания для проведения освидетельствования, предусмотренного статьей 11 Закона «О психиатрической помощи», то есть «неотложной необходимости», оно также явно отсутствует в материалах дела. Более того, Суд отмечает, что в письме г-жи Л. описывалась продолжительная модель поведения (в течение девяти лет), включающая ругань, конфликты, фотографирование, прослушивание, и так далее. Хотя она также упоминала случаи физического насилия, единственный конкретный инцидент имел место за год до ее письма (в июне 2000 года). Ни национальные судебные органы, ни Правительство в своих замечаниях, не утверждали, что жалобы г-жи Л. могут быть истолкованы как признаки «неотложной необходимости», которые освобождают психиатра от обязанности получить согласие первого заявителя или предварительное судебное разрешение на его освидетельствование. Поскольку на основании имеющихся документов не представляется возможным установить точные правовые основания для психиатрического освидетельствования первого заявителя, Суд считает, что освидетельствование не было проведено в соответствии с законом.

88. Суд также отмечает, что национальные судебные органы никак не отреагировали на аргументы первого заявителя, что форма проведения освидетельствования (неофициальная беседа во дворе об его отношениях с соседями, которая продолжалась от пяти (по словам заявителя) до 25 (по словам М.Ф.) минут), не соответствовала применимым медицинским рекомендациям. Суд считает, что анализ утверждаемых процессуальных недостатков психиатрического освидетельствования заявителя имеет решающее значение в данном деле. Правительство также не предоставило никаких правдоподобных

объяснений относительно соответствия процессуального аспекта психиатрического освидетельствования заявителя действующему законодательству. Таким образом, Суд считает, что постановка диагноза первому заявителю не соответствовала закону.

89. Эти соображения являются достаточными для вывода о том, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции в отношении проведения психиатрического освидетельствования первого заявителя против его воли 15 июня 2001 года и диагностирования у него хронического бредового расстройства.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ В СВЯЗИ С НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ МОТИВАЦИЕЙ РЕШЕНИЯ ОТ 30 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

90. Первый заявитель также жаловался, в соответствии по статье 6 § 1 Конвенции, что апелляционный суд не указал достаточных оснований для отмены решения от 6 февраля 2002 года и признания его психиатрического освидетельствования 15 июня 2001 года законным. Это положение, в частности, гласит:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона...»

91. Правительство оспорило это утверждение.

92. Суд отмечает, что эта жалоба связана с жалобой первого заявителя в соответствии со статьей 8, и поэтому должна быть также признана приемлемой.

93. Суд также напоминает, что, несмотря на различие в характере интересов, защищаемых статьями 6 и 8 Конвенции, что может потребовать отдельного рассмотрения жалоб, поданных в соответствии с этими положениями, в данном случае, принимая во внимание выводы Суда по статье 8 (см. §§ 85-88 выше) в отношении отсутствия точных указаний, какие правовые положения послужили основанием для психиатрического обследования первого заявителя, Суд считает, что нет необходимости рассматривать эти же факты по статье 6 (см., *mutatis mutandis*, *Hunt v. Ukraine*, no. 31111/04, § 66, 7 December 2006).

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ ПЕРВОГО ЗАЯВИТЕЛЯ НА СЛУШАНИИ ЕГО ДЕЛА В АПЕЛЛЯЦИОННОМ СУДЕ

94. Заявитель также жаловался по статье 6 § 1 Конвенции, что он был несправедливо лишен возможности принять участие в апелляционном рассмотрении его дела против психиатров либо лично, либо через своего адвоката из-за того, что апелляционный суд не уведомил его о дате слушания.

A. Приемлемость

95. Правительство не представило комментариев по приемлемости данной жалобы.

96. Суд считает, что данная жалоба не является откровенно необоснованной в значении статьи 35 § 3(а) Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой и по другим основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо дела

1. Аргументы сторон

97. Первый заявитель утверждал, что ни он, ни его адвокат не были уведомлены о слушании 30 апреля 2002 года. Он отметил, что в соответствии с применимыми положениями Гражданского процессуального кодекса, апелляционный суд должен был прислать ему повестку или уведомить его о слушании по почте заказным письмом. При отсутствии должным образом подписанной квитанции о получении, суд должен был отложить слушание. В материалах дела нет такой квитанции о получении, а имеющаяся в протоколе судебного заседания запись о том, что первый заявитель был должным образом уведомлен о слушании, является неконкретной и необоснованной. Несмотря на то, что первый заявитель воспользовался возможностью представить письменные возражения в ответ на апелляцию М.Ф., его отсутствие на слушании лишило его возможности воспользоваться важными процессуальными правами, например, задавать вопросы и отвечать на них, реагировать на новые аргументы оппонентов и подавать ходатайства. Следовательно, он находился в явно более неблагоприятном положении по сравнению со своими оппонентами.

98. Правительство возразило против этой точки зрения. Оно утверждало, что в соответствии с соответствующим законодательством апелляция может быть рассмотрена в отсутствие одной из сторон в случае, если эта сторона была должным образом

уведомлена о дате и времени рассмотрения. Первый заявитель был уведомлен, что подтверждается протоколом заседания. Кроме того, апелляционный суд рассмотрел его письменные возражения в ответ на апелляцию М.Ф., и поэтому нельзя утверждать, что стороны были поставлены в неравное положение.

2. Оценка Суда

99. Суд повторяет, что принцип равенства сторон – в смысле «справедливого баланса» между сторонами – требует, чтобы каждая из сторон имела разумную возможность представить свое дело в условиях, не ставящих ее в явно невыгодное положение по отношению к своим оппонентам (см., среди прочего, *Dombo Beheer B.V. v. the Netherlands*, 27 October 1993, § 33, Series A no. 274). Этот принцип лишается всякого смысла, если одна из сторон по делу не уведомлена о слушании, чтобы иметь возможность воспользоваться предусмотренным национальным законодательством правом участвовать в рассмотрении (см. *Zagorodnikov v. Russia*, no. 66941/01, § 30, 7 June 2007). Это особенно актуально в случаях, когда суд должен, как в данном случае, решить фактические вопросы и требования заявителя по своей природе в значительной степени основываются на его личном опыте (см. *Salomonsson v. Sweden*, no. 38978/97, § 39, 12 November 2002; *Kovalev v. Russia*, no. 78145/01, § 37, 10 May 2007; и *Shytik*, цит. выше).

100. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом, действовавшим в то время, стороны имели право участвовать в апелляционных слушаниях. Тот факт, что дело было рассмотрено в апелляционной инстанции в отсутствие одной из сторон, которая не была должным образом уведомлена о слушании, является основанием для отмены решения по апелляции в кассационном порядке. Правительство не представило никаких документов, указывающих, когда и каким образом первый заявитель или его адвокат были уведомлены о слушании 30 апреля 2002 года. Суд считает, что, принимая во внимание соответствующие положения Гражданского процессуального кодекса, касающиеся уведомления о слушаниях (см. пункт 42 выше), общая запись в протоколе судебного заседания, что первый заявитель был надлежащим образом уведомлен о слушании, на которую Правительство ссылается в качестве доказательства такого уведомления, является недостаточной, чтобы опровергнуть утверждения первого заявителя (см. *Strizhak*, цит. выше, §§ 38-41, и, напротив, *Shytik*, цит. выше).

101. Суд также отмечает, что рассмотрение данной апелляции длилось полтора часа, в течение которых противной стороне в лице трех человек была дана возможность представить свои устные

аргументы, включая изложение фактов. Кроме того, апелляционный суд принял в судебном разбирательстве новые доказательства, которые первый заявитель не имел возможности прокомментировать в суде (см. § 14 выше). Слушание закончилось отменой решения суда первой инстанции, причем апелляционный суд переоценил не только правовые основания, но и обстоятельства дела (то есть, законность проведения М.Ф. психиатрического освидетельствования, см. § 15 выше).

102. Хотя первый заявитель имел возможность обжаловать решение от 30 апреля 2002 года по вопросам права, Верховный Суд отклонил его просьбу о разрешении на обжалование в кассационном порядке без проведения слушания и без какого-либо обоснования.

103. В свете вышесказанного Суд считает, что отсутствие первого заявителя на слушании дела в апелляционном суде является нарушением принципа равенства сторон, гарантированного статьей 6 § 1 Конвенции.

104. Следовательно, в этом отношении данное положение было нарушено.

V. ДРУГИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

105. Первый заявитель также жаловался по статье 6 § 1 Конвенции, что Верховный Суд никак не обосновал отклонение его ходатайства о разрешении на обжалование в кассационном порядке и что разбирательство по этому вопросу длилось необоснованно долго.

106. Наконец, он жаловался по статье 10 Конвенции, что он подвергся психиатрическому освидетельствованию в связи с его девиантным поведением, которое было частью его самовыражения.

107. Рассмотрев эти жалобы в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, Суд признал, что в той мере, в какой это находится в пределах его компетенции, он не нашел никаких подтверждений нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции.

108. Отсюда следует, что эта часть жалобы должна быть признана неприемлемой как откровенно необоснованная в соответствии со статьей 35 §§ 3(а) и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

109. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Вред

110. Заявители потребовали выплатить им 400000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

111. Правительство посчитало это требование необоснованным и чрезмерным.

112. Суд считает, что выявленные нарушения причинили заявителям боль и страдания, которые не могут быть возмещены лишь признанием этих нарушений. Суд присуждает выплатить первому заявителю 15 000 евро, и второму заявителю – 2 000 евро в качестве компенсации нематериального вреда.

В. Расходы и издержки

113. Заявители, которым была предоставлена оплата правовой помощи, потребовали выплатить им 2 000 евро в качестве компенсации издержек и расходов, понесенных в Суде.

114. Правительство возразило, что заявители не подкрепили эти требования никакими документами.

115. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение издержек и расходов только в той степени, в какой доказано, что они фактически были понесены, были обязательными и разумными. В данном случае, принимая во внимание то, что заявителям была предоставлена оплата правовой помощи (850 евро), и тот факт, что они не представили никаких доказательств в подтверждение своих требований, Суд не присуждает им никакой компенсации расходов и издержек.

С. Пеня

116. Суд считает разумным, что пеня должна быть основана на предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка с добавлением трех процентных пунктов.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет* присоединить к существу дела возражение Правительства относительно исчерпания национальных средств правовой защиты, и отклоняет его после рассмотрения существа жалобы в отношении неэффективности расследования;
2. *Объявляет* жалобы по статьям 3, 6 § 1 (в отношении недостаточной мотивации решения от 30 апреля 2002 года и отсутствия на

слушании в апелляционном суде) и по статье 8 Конвенции приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;

3. *Постановляет*, что была нарушена статья 3 Конвенции в отношении обоих заявителей, как в материальном, так и в процессуальном аспектах;
4. *Постановляет*, что была нарушена статья 8 Конвенции в отношении первого заявителя;
5. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобу первого заявителя относительно недостаточной мотивации решения от 30 апреля 2002 года;
6. *Постановляет*, что имело была нарушена статья 6 § 1 в связи с отсутствием первого заявителя на слушании в апелляционном суде;
7. *Постановляет*:

(а) государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы в качестве компенсации нематериального вреда в переводе в национальную валюту Украины по курсу, действующему на день выплаты:

– первому заявителю – 15 000 (пятнадцать тысяч) евро,

– второму заявителю – 2 000 (две тысячи) евро

плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эти суммы;

(б) с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты, на вышеуказанную сумму начисляется пеня, равная предельной кредитной ставке Европейского Центрального Банка в этот период с добавлением трех процентных пункта;

8. *Отклоняет* остальные требования заявителя относительно компенсации.

Составлено на английском языке и объявлено в письменном виде 7 июля 2011 года в соответствии с правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Клаудиа Вестердийк
Секретарь

Дин Шпильманн
Председатель